

Т. Ю. ЯШАЕВА

ГОРОДСКИЕ МОНАСТЫРИ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Важным признаком структуры средневекового города, принципиально отличающим его от античного полиса, были монастыри. В истории восточно-христианского монашества можно выделить три периода расцвета, сопровождавшихся активизацией монастырского строительства, в том числе городского.

Первый период – юстиниановский – «золотой век византийского монашества» [1, с. 21]. Ставшее классическим изречение Юстиниана I: «если эти чистые руки и священные души будут молиться за империю, то обеспечат, таким образом, милость Божию; армия будет крепче, процветание государства больше, земледелие и торговля более цветущими», – прекрасно отражает отношение императора к этой категории подданных [Nov. 133, 5]. На всем пространстве империи Юстиниан воздвигал многочисленные храмы, монастыри, благотворительные учреждения [1, с. 14]. В его правление число монастырей перевалило за 70 [2, с. 131-132]. Император не только всячески поощрял строительство монастырей, но также следил за духовно-нравственным состоянием его обитателей. Законами 529 и 530 гг., а также более поздними новеллами он ввел более строгую дисциплину для монахов, требуя от них соблюдения истинно монашеского образа жизни.

Второй период – постиконоборческий – время, когда монашество «окончательно воцарилось в сердце Византии». Победа иконопочитателей оказалась и победой иночества, причем победой не только внешней, но и внутренней. Большая роль в его укреплении и консолидации принадлежала св. Феодору Студиту, который «сформулировал ту идеологию монашества, то определение его функций в церкви, которые и закрепили его победу уже навсегда» [3, с. 204-205; 4, с. 257-258]. Преподобный Феодор возродил в Константинополе древний Студийский монастырь, ставший одним из главных центров византийской церковной жизни. Этот период также

характеризуется сближением городских монастырей с мирскими храмами, проникновением монастырских традиций в совершаемое в них богослужение, которое становится более закрытым, камерным [5, с. 88, 90; 6, р. 125-138].

Третий период – палеологовский – время очередного и уже последнего расцвета, связанного с распространением и утверждением в восточно-христианском мире исихазма. После победы паламизма епископские и митрополичьи кафедры, да и сам патриарший престол заняли монахи, и влияние черного духовенства в церкви стало весьма значительным [7, с. 73]. Исследователи отмечают в XIII-XIV вв. активное проникновение монастырей как в крупные города, так и в поселения полугородского типа [8, с. 207-208].

Таким образом, монастыри основывались в византийских городах с момента основания империи и вплоть до завоевания ее столицы турками. Построить монастырь значило, по понятиям византийцев, совершить богоугодное дело. При этом признавалось более душеспасительным построить новый монастырь, чем восстановить старый [9, с. 61]. Несомненно, что количество монастырей к поздневизантийскому периоду значительно возросло. По мнению Г.Г. Литаврина, свидетельство русского странника начала XIII в. о 40 тыс. монахов и 14 тыс. монастырях на Босфоре «не столь уж фантастично, если учесть, что в Византии было множество мелких монастырьков, имевших от трех до десяти монахов» [10, с. 85]. В определенной степени это объясняется существовавшим 49-м правилом Шестого Вселенского собора, подтвердившим более раннее правило Четвертого собора, согласно которому постройки, освященные епископом под монастыри, навсегда должны были оставаться монастырями и не могли становиться «мирскими обиталищами» [11, с. 641]. Безусловно, что иногда это правило нарушалось (например, в эпоху иконоборчества), но в целом, надо полагать, соблюдалось.

Все эти процессы имели место и в византийском Херсоне, являвшемся частью восточно-христианского мира. В соответствии с политикой Юстиниана в таком важном стратегическом и религиозном центре на северных рубежах империи уже в ранневизантийский период строились не только храмы, но и монастыри. Но если в существовании первых никто не сомневается, они всесторонне изучаются и систематически публикуются, то этого нельзя сказать о вторых. Городские монастыри Херсона никогда не были темой специального исследования и затрагивались лишь «попутно» при освещении религиозной жизни средневекового Херсона в целом или каких-либо отдельных градостроительных тем. Историки на сегодняшний день называют в городской черте Херсона всего три монастыря: Западный, в Портовом районе и в XXV квартале [12, с. 71-72, 159-160; 13, с. 165; 14, с. 846-851]. Но и из этих трех монастырями, на наш взгляд, можно назвать только два первых.

Проблема городских монастырей Херсона, таким образом, до сих пор остается неразработанной. Вычленив монастырь из городской застройки

достаточно сложно, а иногда просто невозможно, что связано, в определенной степени, с местными традициями градостроительства, сложившимися еще в античную эпоху [15, с. 23]. Планировка монастырей Херсона, как правило, была подчинена уже существовавшей сетке жилых кварталов, поэтому мы не видим здесь легко «читаемого» единого планировочного стандарта монастырских комплексов, как во многих других восточно-христианских центрах [16, с. 400; 17, обр. 3, 4, 10 и др.]. Проблема усугубляется тем, что характер построек городских монастырей и жилых кварталов Херсона может быть практически идентичен – и те, и другие могли иметь на своей территории храмы, погребения, колодцы, не говоря уже о жилых и хозяйственных постройках. К тому же исследователями никогда не ставилась задача выявления среди археологического материала специфического «монастырского» набора находок.

Нами была предпринята попытка наметить совокупность признаков, главных и второстепенных, которые позволили бы выделить монастырь из городской жилой застройки Херсона или определить круг памятников, которые, хотя бы гипотетически, могут быть связаны с церковно-монастырскими структурами. К главным признакам мы отнесли наличие ограды, храма, погребений, келий, трапезной, кухни, кладовой, двора; второстепенные признаки: источник воды, эргостерии, различные хозяйственные и благотворительные постройки, библиотеки и другие помещения, а также набор находок «монастырского» характера.

Ограда на первое место поставлена не случайно. Монастырь в условиях городской жизни обязательно должен был быть огражден, чтобы, с одной стороны, на монастырскую территорию не могли попасть миряне, с другой – предотвратить соблазн праздного выхода за стены обители самих монахов, которые, в идеале, могли выходить в город только в связи с особой необходимостью по благословению настоятеля, хотя, вероятно, в реальности этот принцип нередко нарушался. Не случайно проблема входа-выхода особо оговаривалась и в более поздних уставах. Например, Симеон Богослов (X в.) рекомендовал покидать пределы монастырских стен не чаще, чем раз в месяц. Согласно завещанию Феодора Студита (IX в.), даже игумен не должен был часто выходить из монастыря [18, с. 788]. Монастырская ограда, помимо функционального назначения, имела и определенный символический смысл. Монастырь, являвшийся, по выражению К. Манго, «городом в миниатюре», был, вместе с тем, «иным городом», даже «анти-городом» [19, с. 176]. Ограда как бы зримо подчеркивала внутреннюю обособленность монашеского сообщества, отделяя духовное пространство «анти-полиса» от самого полиса.

Для контроля входа и выхода при планировке монастырского комплекса, как правило, предусматривалось помещение для монаха-привратника. Оно было небольшим и располагалось обычно рядом со входом. Это оставалось

актуальным и в поздневизантийский период. Так, константинопольский патриарх Афанасий I в XIV в. вновь оговаривает в своем типике строгую охрану входа в монастырь «привратником набожным и верным» [20, с. 120].

Важнейшим элементом городского монастыря, его духовным ядром был храм, в котором совершалось суточное богослужение – «главный нерв всякой монастырской жизни». Например, в Студийском монастыре при св. Феодоре Студите богослужение совершалось семь раз в сутки, начиная с полуночи [21, с. 395-396].

Поблизости от кафоликона помещалась трапезная, представлявшая собой не только помещение для принятия пищи. Совместное собрание на трапезе являлось церемониальным продолжением литургических последований, что ставило трапезную в ранг второго по значимости монастырского здания [17, с. 93].

Размеры и количество келий прямо пропорционально зависели от размеров обители и числа братии, а также от типа монастырского уклада. Отдельно выделялась келья игумена.

Спецификой монастырского погребального обряда было наличие костниц, широко распространенных в восточно-христианских монастырях [22, с. 454]. А.В. Сазанов, обративший внимание на проблему херсонских погребений, отмечал, что те захоронения, которые исследователи традиционно называли костницами, таковыми не являются, а представляют собой многоярусные погребения [23, с. 285-299; 24, с. 38-46]. Не отрицая важности поставленного вопроса, вместе с тем, по нашему мнению, нельзя экстраполировать выводы автора на все погребальные комплексы византийского Херсона и полностью отрицать существование в нем костниц. Не исключено, что при более углубленном изучении проблемы, с учетом всех имеющихся на сегодняшний день погребений в городских храмах, можно будет выявить подлинные костницы, которые могут стать «водоразделом» между монашескими и мирскими захоронениями.

Из хозяйственных сооружений в городских монастырях были обязательными помещения для хранения продуктов и приготовления пищи, т.е. кладовая и кухня. Весьма желателен, вероятно, был собственный источник воды, чтобы свести до минимума выходы монахов из монастыря для регулярного пополнения ее запасов. Специальные помещения для переписывания и хранения книг, какие-либо производственные комплексы в маленьких монастырях могли отсутствовать, трудовые послушания монахи в этом случае выполняли в своих кельях или общем дворе.

Среди археологических находок, отражающих разные стороны внутренней жизни обитателей, мы, в первую очередь, выделяем элементы монашеского облачения: кожаные пояса и шнуры для крестов-тельников. Другие категории находок имеют более универсальный характер и могут быть отнесены к различным социальным группам:

- предметы личного благочестия: кресты-тельники и энколпионы, иконы для келейного моления, книжные застёжки, диптихи, стили для переписывания книг, паломнические реликвии;
- храмовые иконы и церковная утварь;
- посуда столовая и кухонная: кувшины, миски, горшки;
- тара для хранения продуктов: пифосы, чаны.

Согласно существовавшим уставам, монастырские хозяйства в целом должны были носить замкнутый характер и иметь слабые связи с городским рынком [25, с. 112]. В соответствии с названными критериями в городской черте Херсона вырисовываются автономные церковно-хозяйственные структуры, выделенные как предыдущими исследователями, так и нашими изысканиями¹.

Западный монастырь

Впервые раннесредневековый комплекс построек с Западной базиликой был определен как монастырский И.А. Антоновой и С.Г. Рыжовым и поддержан впоследствии другими исследователями [26, с. 264; 12, с. 223; 27, с. 341; 14, с. 846-847]. Монастырь примыкает к западному концу Западной оборонительной стены (рис. 1, 1). В качестве ограды использовались крепостные стены, образовавшие замкнутое пространство. Кафоликоном была Западная базилика, расположенная в центре двора. Помещения южной галереи могли быть гирокомионом или птохионом, в то время как «кельи, хозяйственные помещения, необходимые для нужд монастыря, могли размещаться вдоль первой куртины и приморской оборонительной стены, которая к настоящему времени рухнула в море» [14, с. 823-827]. Существование при монастыре нищеприимницы или богадельни косвенно подтверждают раскопки склепа с внешней стороны Западной оборонительной стены, в котором погребали умерших в монастырской странноприимнице или богадельне, так как большая часть костяков принадлежала сравнительно молодым людям с врожденной деформацией конечностей, позвоночника, ненормальным развитием черепа [26, с. 264].

Некоторые исследователи отождествляют западный монастырский комплекс с городским монастырем св. Леонтия – «домом св. Леонтия», упомянутым в «Слове о перенесении мощей Климента Римского» [28, с. 319-326; 29, с. 171; 14, с. 827]. Вместе с тем, никто не отрицает, что он сформировался на месте гробницы первого херсонского архиерея св. Василия, но, как отмечал С. Рансимен, в таких случаях «монастырь становился духовным наследником святого» [3, с. 204]. По нашему мнению, маловероятно, что монастырь, основанный на месте погребения столь почитаемого в Херсоне священному-

¹ Приношу глубокую благодарность заведующему Архитектурно-археологическим отделом НЗХТ С.Г. Рыжову за ценные научные консультации по средневековым памятникам херсонесского городища.

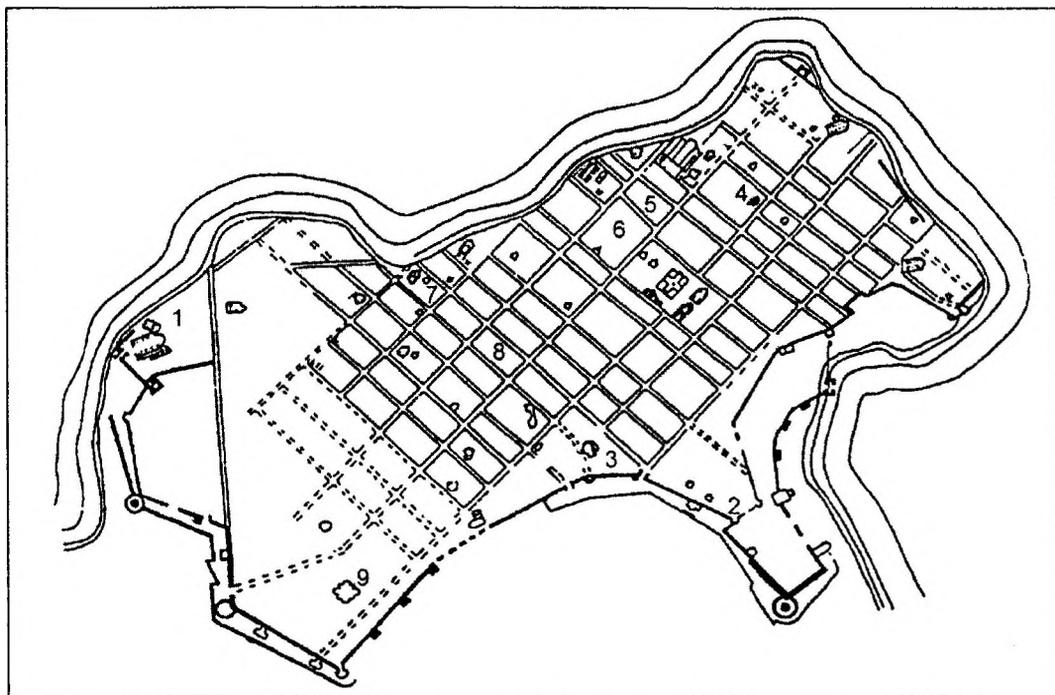

Рис. 1. План городских кварталов Херсона с обозначением монастырей.

1 – Западный; 2 – Юго-Восточный; 3 – Южный; 4 – Монастырь-меморий св. Василия; 5 – Община благоверных жен; 6 – Богадельня и странноприимница; 7 – Комплекс в XXV квартале; 8 – Комплекс «базилика в базилике»; 9 – Меморий св. Капитона.

ченика Василия, «духовным наследником» которого он должен был стать, посвятили другому святому – Леонтию. В Херсоне действительно существовал храм (или монастырь) св. Леонтия, откуда происходит найденная на городище евлогия в виде вырезанного из кости креста с надписью «св. Леонтий», но его локализация пока неизвестна [30, с. 204-206]. Можно согласиться с С.А. Беляевым, что, скорее всего, были ошибочно идентифицированы храмы, описанные в «Слове...», с раскопанными на херсонесском городище [31, с. 32].

Монастыри в Портовом районе

Первый предполагаемый монастырский комплекс в Портовом районе исследователи помещали у южного участка оборонительных стен, раскопки которого в 1907, 1910, 1911 гг. проводили К.К. Косцюшко-Валюжинич, Р.Х. Лепер, в 1926 г. возобновил К.Э. Гриневич, повторивший предположение Р.Х. Лепера о монастырском характере памятника [32, с. 324-325]. И.А. Антонова, продолжившая исследование комплекса, отрицала его монастырский характер и интерпретировала как административное здание фемы [33, с. 17]. Через

десять лет предположение о существовании монастыря на другом участке Портового района прозвучало в работах А.И. Романчук, получившее поддержку среди других исследователей [34, с. 130, 146-149; 35, с. 95; 12, с. 223; 14, с. 1028]. По мнению А.И. Романчук, монастырский комплекс, расположенный на стыке 17 и 18 куртин, включал в себя небольшой храм Е, открытый раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинича, и окружающие его помещения 1-5, пристроенные к оборонительной стене [34, с. 130] (рис. 1, 2; 2). Отсутствие ограды с северной и восточной сторон, на наш взгляд, связано с плохой сохранностью памятника в целом; по этой же причине не составлен его полный план. На основании найденного в кладке соседней, более поздней усадьбы № 10 керамического штампа с именем св. Феодора исследователи соотносят посвящение храма и монастыря с этим святым [35, с. 95]. Хронологические рамки комплекса: XI-XIV вв. [34, с. 149].

Южный монастырь

На южной окраине городища у оборонительной стены, на склоне и дне так называемой театральной балки, уже в ранневизантийский период сформировался сакральный участок с комплексом построек, архитектурной и духовной доминантой которого был кафедральный крестообразный храм № 19 (рис. 1, 3; 2). По нашему предположению, в поздневизантийский период происходит реорганизация храмового комплекса в монастырский (не исключено, что это произошло ранее, после X в., одновременно с реконструкцией храма № 19). К сожалению, многолетние, но так и не завершённые раскопки на театральном участке со сложной стратиграфией, многочисленными перестройками, от которых сохранились обрывки разновременных кладок и помещений, позволяют делать только предварительные выводы.

На обособленность участка в свое время обратил внимание К.К. Косцюшко-Валюжинич [36, с. 107]. Судя по сохранившимся строительным остаткам, в качестве ограды комплекса использовались античная амфилема и оборонительная стена (отдельные участки ограды разрушены постройками XIX в.). Внутри огражденной территории находились два храма и часовня, кафоликоном являлся крестообразный храм № 19, раскопки которого в 1897 г. проводил К.К. Косцюшко-Валюжинич [36, с. 97-112]. В 1954-1955 гг. памятник доследовал О.И. Домбровский [37, с. 36-41]. В разное время его архитектурно-археологическими исследованиями занимались А.Л. Бертье-Делагард [38, с. 68], А.Л. Якобсон [39, с. 200], А.Л. Романчук [34, с. 170-171], Ю.Г. Лосицкий [40, с. 27-36], И.А. Завадская [41, с. 264-265], Т.Ю. Яшаева [42, с. 85-88], С.Б. Сорочан [14, с. 857-875]. Пожалуй, ни один из раскопанных на городище храмов не вызывал у исследователей столько разногласий, несмотря на его прекрасную сохранность [42, с. 85-88]. Доклад, прочитанный нами на международной конференции в 2004 г. в г. Познань, был посвящен одному из наиболее принципиальных дискуссионных вопросов – времени основания храма [43, с. 11]. По нашему

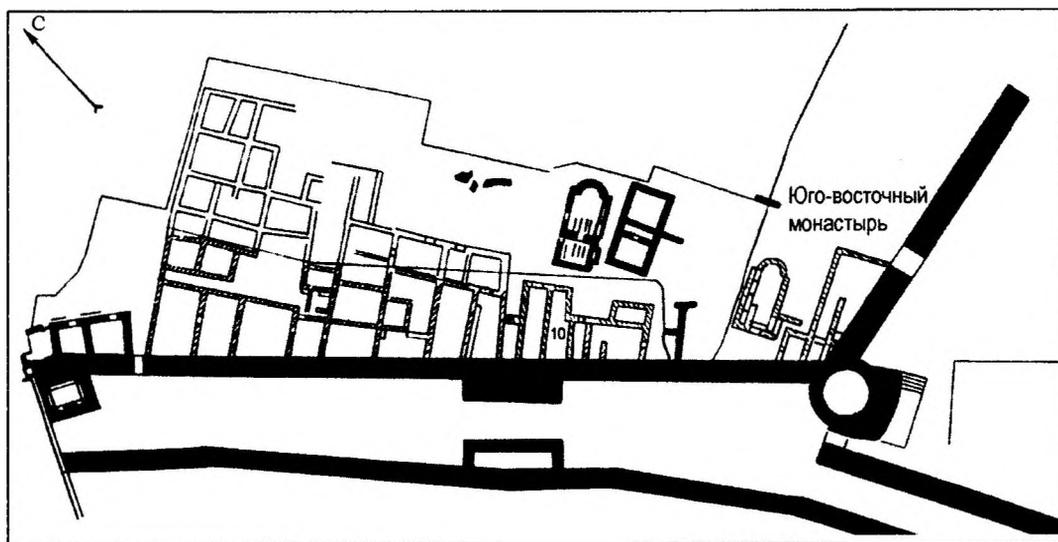

Рис. 2. План Юго-Восточного монастыря в Портовом районе (по Л.Г. Колесниковой).

мнению, его литургическое устройство имеет все признаки доиконоборческого периода, сформулированные Р. Тафтом: высокий многоступенчатый синтрон, массивный амвон в центре, несколько входных дверей [5, с. 91]. В сочетании с характером интерьера и некоторыми индивидуальными находками они подтверждают раннюю датировку, предложенную К.К. Косцюшко-Валюжиничем, сторонниками которой стали А.Л. Яковсон, С.Г. Рыжов, С.Б. Сорочан.

С.Б. Сорочан высказал предположение, что храм № 19 был освящен в честь святых Сергия и Ваха, так как именно эти святые, по мнению исследователя, изображены на торцовых сторонах серебряного реликвария и, соответственно, их мощи были заложены под престол [14, с. 862]. Но, как известно, обязательным иконографическим атрибутом этих святых были массивные гривны, надетые на шею. Такими они предстают перед нами на знаменитой синайской иконе VI в. из собрания Порфирия Успенского, в то время как у святых, изображенных на херсонесском памятнике, гривны отсутствуют. Важно также отметить, что Сергий и Вах принадлежали к разряду «парных» святых и неизвестны иконографические типы, где они помещены раздельно². Приведенные факты не позволяют, на наш взгляд, отождествить изображения святых на реликварии из храма № 19 со святыми Сергием и Вахом и, соответственно, связывать с ними название храма.

Второй культовый объект, существовавший на рассматриваемом участке

² Приношу искреннюю благодарность И.А. Стерлиговой за консультацию.

в средневизантийский и поздневизантийский периоды – небольшой одноапсидный «Храм 1958 г.», расположенный к юго-востоку от кафоликона. В это же время, вероятно, была действующей часовня, расположенная к юго-западу от указанного храма, но входила ли она в предполагаемый монастырский комплекс мы, из-за недостаточной археологической изученности и плохой сохранности данного участка, пока сказать затрудняемся [44, с. 29-36; 45, л. 27].

В Театральной балке выявлено два колодца: верхний и нижний. По наблюдениям О.И. Домбровского, один из них – «верхний, прямоугольной формы, обложенный тесаным камнем, открыт в северо-восточном отсеке сценического подвала в 1988 г. Колодец не иссякает и среди жаркого лета. Другой, в сечении круглый, был открыт еще К.К. Косцюшко-Валюжиничем» [46, с. 22].

Трапезно-хозяйственным блоком, включавшим в себя три наземных помещения и подвал, был, по нашему предположению, дом 1970 г., перекрывший постройки средневизантийского времени. К северо-восточной стороне дома, обращенной к «Храму 1958 г.», примыкало небольшое помещение В, косоугольное в плане, с обособленным входом с запада. В одном из помещений А стоял пифос; под полом помещения Б был подвал, сохранившийся от более раннего дома [47, л. 15-27]. По описанию автора отчета, на полу подвала в слое пожара были выявлены предметы, находившиеся в момент гибели дома как в наземном помещении, так и в подвале: фрагменты простых и поливных кувшинов, кухонных горшков, столовой поливной посуды, тарной керамики: пифоса, амфор. Особый интерес представляют многочисленные фрагменты стеклянных сосудов с шаровидным туловом и широким горлом, имеющим круговое утолщение, находящие аналогии в слоях XIII-XIV вв. [48, с. 208, рис. 8].

Еще одно поздневизантийское сооружение – небольшой однокомнатный домик, примыкавший к оборонительной стене (т.н. «дом 1972 г.») [49, л. 38-40]. Изолированность расположения, малая площадь (3,75x3,0x3,5x2,5 м), простота интерьера, характер археологических находок (скромный ассортимент тары, бронзовый тельник) позволили нам предположительно интерпретировать постройку как монашескую келью. Возможно, кельями также были помещения Г и Д, расположенные к юго-западу от входа в кафоликон, т.н. «пристройки к дому 1964 г.». Оба помещения были пристроены к юго-западной стене средневизантийского «дома 1964 г.», вероятно, после его разрушения в X в. [50, с. 41-48]. В одном из помещений обнаружены следы очага (зольное пятно под дымоходом, размерами 0,5x0,6 м), рядом – скопление костей домашних животных, обломки амфор, поливной керамики XII-XIV вв.

О хозяйственно-трудовой деятельности обитателей предполагаемого монастырского комплекса можно составить представление по встреченным в процессе раскопок орудиям труда: три железных сошника, два фрагмента каменных ступок, два жернова от ручных мельниц, фрагмент

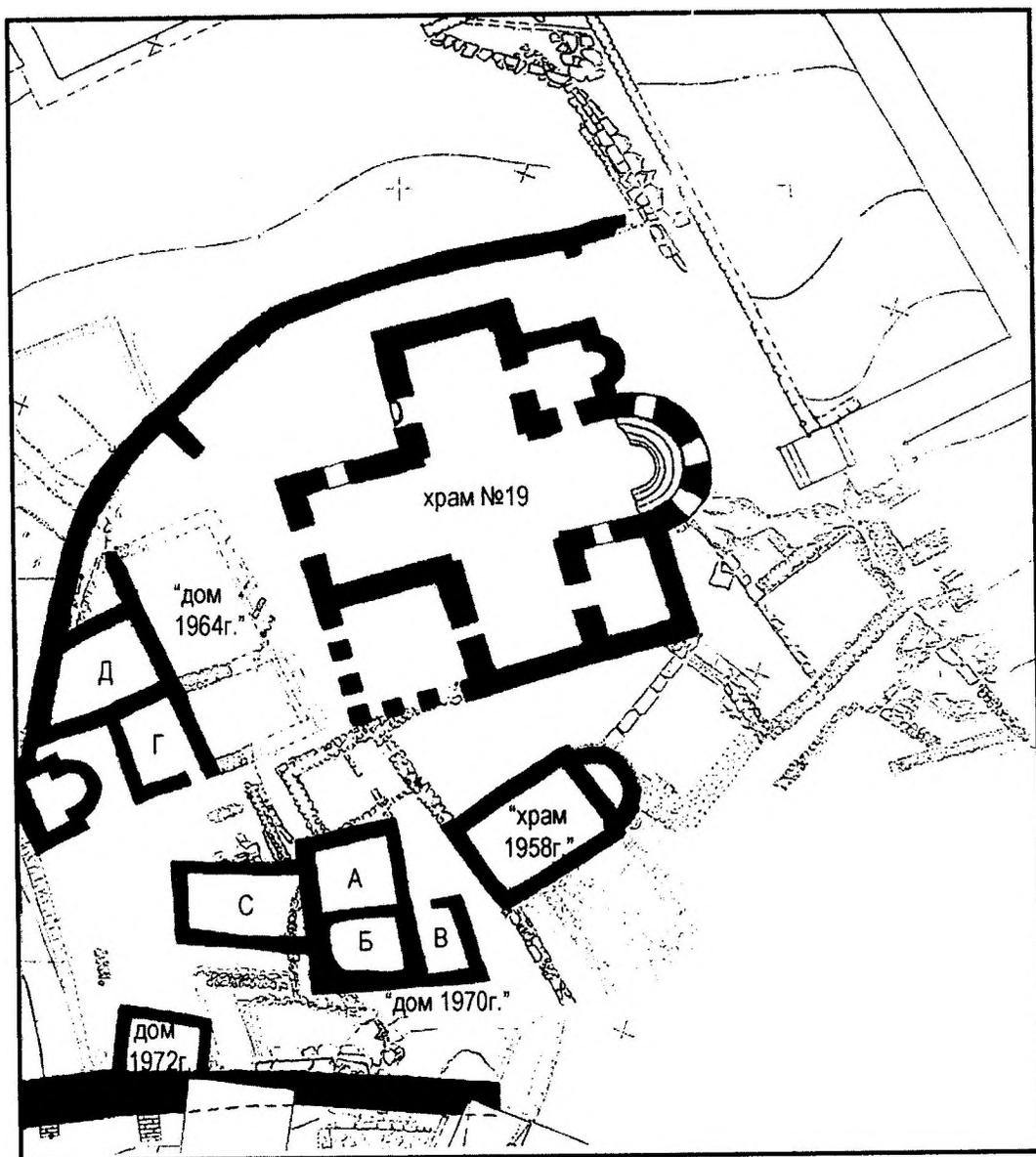

Рис. 3. План предполагаемого Южного монастыря на театральном участке (по О.И. Домбровскому).

каменного молотка, костяная ручка от ножа, украшенная кружками, с дырочкой посередине, оселок без дырочек для ношения, два глиняных грузила от рыболовной сети, одно глиняное и два костяных пряслица (одно в виде усеченной пирамидки, другое в виде пластинки с дырочками по концам и с желобком с одной стороны). По устному сообщению К. Орлова, в районе античного театра в слое XIII-XIV вв. были обнаружены остатки косторезной мастерской [51, с. 104]. Выявлены не только изделия из кости, но и заготовки в виде пластинок и полосок, а также само сырье (отпиленные верхушки оленьего рога, часть нижней челюсти кабана с бивнем); также встречены следы обработки металла (железная крица) [46, с. 24].

В свете изложенного представляется очевидным, что на сакральном участке с кафедральным крестообразным храмом в поздневизантийский период формируется замкнутый церковно-хозяйственный комплекс, который мы, пока что в качестве гипотезы, относим к монастырскому. Как и другие городские монастыри Херсона, его характеризуют малые размеры и нестандартная планировка, predetermined, в данном случае, условиями рельефа.

Комплекс квартала III

Еще одним ранневизантийским сакральным участком Херсона был комплекс с так называемым Подземным храмом, расположенный на главной улице в восточном углу квартала III (рис. 1, 6). Впервые высказал предположение о его связи с херсонесскими святыми К.Э. Гриневич, впоследствии эту мысль развил С.А. Беляев [52, с. 47; 53, с. 54]. Исследователи, не отрицая сакральность комплекса, рассматривали, как правило, только сам Подземный храм, в то время как его наземный архитектурно-археологический контекст оставался «за кадром» [54, с. 89-91]. Вместе с тем именно он, на наш взгляд, принципиально дополняет характеристику памятника. Внутри огражденной территории сохранились следы небольших помещений, составлявших единый замкнутый комплекс с почитаемой святыней и двумя храмами: ранневизантийским пещерным и более поздним наземным (рис. 1, 4; 4). Маловероятно, что этот культовый комплекс являлся просто приходским. По нашему мнению, это был небольшой монастырь-меморий, организованный, возможно, по образцу загородного Влахернского монастыря. Последний также, несмотря на богато украшенный храм, имел весьма скромный набор остальных помещений, явно рассчитанных на проживание одного-двух иноков, что в целом не противоречит традициям восточно-христианского монашества. Как известно, одним из видов монашеского служения довольно рано стала охрана почитаемых гробниц, равно как и других святынь. Паломница Эгерия уже в IV в. упоминает монахов, живших при гробницах [55, с. 184]. Иноки, селившиеся на местах теофании, духовного подвижничества или погребениях святых, брали на себя заботу о святом месте, на котором со временем мог

сформироваться как огромный многолюдный монастырь, так и небольшой монастырек, в котором подвизался один монах – хранитель святыни. К типу подобных малых монастырей-мемориев, вероятно, можно отнести рассматриваемый херсонский комплекс. Не исключено, что под контролем монашества находился еще один ранневизантийский сакральный памятник, расположенный в городской черте Херсона, – так называемый четырехапсидный храм, связанный с памятью св. Капитона, но так как прилегающая к нему территория не исследована, говорить об этом можно пока только гипотетически.

В византийском городе существовали различные учреждения, выполнявшие благотворительные функции: богадельни, странноприимницы, приюты для нищих, лепрозории и прочие, находившиеся как в ведении муниципалитета, так и церковно-приходских и монастырских структур. Но уже с V в. руководство городской благотворительной деятельностью практически целиком переходит от муниципальных организаций к церкви [56, с. 184]. Монастыри продолжали играть важную роль в развитии благотворительности и в средневизантийский период. Императоры боялись усиления власти монастырей в определенной степени именно из-за благотворительности и пытались ее обуздать. Император Никифор II издал в 964 г. закон, запрещавший учреждение новых монастырей, монастырских гостиниц и приютов для бедных, управляемых монахами. Даже воспрещались пожертвования этим учреждениям, исключения делались только для тех приютов, которые на деле доказали свою пользу для общества. Но этот закон действовал недолго и был отменен перед коронацией Иоанна Цимисхия как одно из условий, выдвинутых патриархом Полиевктом [3, с. 207]. Призрение странников, сирых и убогих продолжало оставаться одной из важнейших социальных функций восточно-христианской церкви.

В Херсоне уже в ранневизантийский период были открыты богадельня при Западном монастыре и птохион св. Фоки в Портовом районе [14, с. 1026-1027]. Для освещения рассматриваемой проблемы в поздневизантийском Херсоне большой интерес представляют кварталы Северного района (рис. 1, 5), которые в 1984-1994 гг. исследовал С.Г. Рыжов, глубоко и всесторонне проанализировавший эти памятники [57, с. 168-180; 58, с. 290-310, рис. 1; 59, с. 182-260]. Важным является наблюдение С.Г. Рыжова о выпечке в усадьбе квартала VIII просфор, сделанное исследователем на основании выявленных в помещениях 6 и 7а характерных находок, связанных с выпечкой хлеба, среди которых мы хотим особо обратить внимание на обломок керамического штампа [58, с. 293-294]. В планировку усадьбы входили небольшая часовня, хозяйственные и жилые помещения, в одном из которых находился скелет женщины. Указанные артефакты позволили нам высказать предположение о проживании в квартале VIII в поздневизантийское время благоверных жен (возможно, небольшой общины полумонашеского типа), одним из послуша-

Рис. 5. План церковно-монастырских структур в кварталах Северного района (по С.Г. Рыжову).

ний которых, вероятно, было приготовление просфор для близлежащих храмов и городских монастырей. О существовании в Херсоне этого церковно-монастырского института в более ранний средневизантийский период известно из письменного источника «Слово о перенесении мощей Климента Римского», из которого следует, что благоверные жены наряду с монахинями участвовали во всеобщих песнопениях у раки с мощами св. Климента [28, с. 319-326].

С городской церковно-монастырской структурой, несомненно, был связан расположенный рядом с кварталом VIII квартал X, включавший в себя две усадьбы (рис. 1, 6; 5). Наличие в усадьбе № 1 часовни с характерными погребениями людей пожилого возраста, имевших врожденные увечья, а также двух дворов, колодца, зернохранилища, хлебной печи, лавки, выходящей на II продольную улицу, в которой продавали (или раздавали) хлеб, позволили С.Г. Рыжову трактовать этот комплекс как богадельню [58, с. 296]. В усадьбе № 1 следующего квартала Xа исследователь выявил черты «гостиничного» хозяйства, которое интерпретировал как постоянный двор [57, с. 179-180; 58, с. 296-298]. Исходя из топографии памятника (непосредственное соседство комплекса с богадельней), а также действовавшего в византийских городах запрета на размещение постоянных дворов на городских улицах и площадях, так как они «имели дурную славу и были неприятны для окружающих жильцов», мы склонны видеть в усадьбе № 1 квартала Xа странноприимный комплекс. Отметим, что этот запрет мы встречаем как в ранневизантийский период (трактат VI в. Юлиана Аскалонита), так и в X в. («Книга Эпарха»), и, вероятно, он продолжал действовать в поздневизантийское время [25, с. 36]. Еще более жесткие

регламентации существовали для христианских паломников, которым все из-за той же «дурной славы» вообще не рекомендовалось останавливаться на ночлег в постоянных дворах. Странноприимный характер херсонского комплекса косвенно подтверждает находка в одном из погребений расположенной рядом часовни перламутрового крестика-тельника – паломнической евлогии со Святой Земли [59, с. 256, рис. 22]. Отметим, что аналогичная евлогия происходит из Портового района Херсона, недалеко от птохиона св. Фоки [60, с. 201].

В свете изложенного, а также учитывая близость описанных комплексов Северного района к главным религиозным центрам Херсона: епископальному кварталу и христианскому комплексу на Большой агоре, мы считаем возможным говорить об их тесной связи с городскими церковно-монастырскими структурами.

Комплекс в квартале XXV

Комплекс поздневизантийского времени, открытый Г.Д. Беловым в XXV квартале, расположен в Северном прибрежном районе города (рис. 1,7). А.И. Романчук справедливо отметила в планировке квартала, с одной стороны, отсутствие характерных черт, присущих другим жилым кварталам Херсона, с другой – внутреннюю взаимосвязанность и взаимодополняемость помещений, интерпретировав комплекс в целом как монастырский [34, с. 56-57]. По нашему мнению, он вряд ли мог быть монастырем, так как со стороны XII улицы изначально не имел ограды, что для обители в условиях городской жизни совершенно не приемлемо. Вероятность того, что ограда существовала, но не сохранилась из-за небрежности кладки – мала, так как Г.Д. Белов – археолог с большим стажем и опытом – обязательно заметил бы ее следы, если бы таковые имелись. Вместе с тем, ряд признаков сближает квартал XXV со странноприимным комплексом в квартале Ха: большой двор, значительные запасы продовольствия, явно превышающие запросы обитателей квартала (в общей сложности в хранилищах найдено 39 пифосов), жернова и ступы для размола зерна, наличие кухни с очагом, колодец. Это позволяет, на наш взгляд, видеть в квартале XXV не собственно монастырь, а одну из единиц городской церковно-монастырской структуры, осуществлявшей благотворительные функции. Такой трактовке памятника не противоречит открытость одной из сторон двора, а также изолированность жилых помещений, выходящих непосредственно во дворы, и наличие во дворе загонов для животных.

Комплекс Юго-Западный (участок «базилика в базилике»)

Участок находится в юго-западной части Херсонесского городища, в квартале XXXII, включавшем в себя хорошо известный христианский комплекс «базилика в базилике» (рис. 1,8), открытый раскопками 1889 г. [61, с. 13-15]. В 1972-1976 гг. памятник доследовал С.Г. Рыжов, выявивший ряд помещений и портик, пристроенные к северной стене базилики, которые

исследователь интерпретировал как торговые лавки [62, с. 290-299]. По нашему мнению, не исключено другое функциональное назначение новых сооружений, но так как памятник до конца не исследован (раскопками открыты только северная и центральная части квартала), можно говорить лишь о том, что в X в. произошла реорганизация комплекса в целом, в результате чего он был включен в какую-то церковно-монастырскую структуру, характер которой можно будет понять после доследования памятника.

Подведем некоторые итоги. В соответствии с выделенными нами периодами в городской черте Херсона фиксируется несколько монастырей и церковно-монастырских структур.

В ранневизантийское время два монастыря сооружаются на сакральных местах, связанных с памятью первого архиерея Херсона св. Василия: представительный Западный монастырь был построен на гробнице святого и освящен, в соответствии с существовавшими в христианском мире традициями, его именем. На главной улице над пещерой, в которой, согласно преданию, подвизался св. Василий, сформировался малый монастырь-меморий. В городе активизируется церковно-приходская и монастырская благотворительная деятельность: в Портовом районе строится птохион св. Фоки, при Западном монастыре – богадельня.

В постиконоборческий период оба монастырских комплекса остаются действующими (Западный – до X в.), к XI в. формируется Юго-Восточный монастырь в Портовом районе. Как и в других восточно-христианских центрах, в Херсоне наблюдается проникновение богослужения монастырского типа в «мирские» храмы, что выразилось в строительстве после X в. небольших домовых и квартальных храмов-часовен [5, с. 90; 63, с. 160-166]. В письменных источниках появляются первые сведения о херсонских благоверных женах, живших, скорее всего, общинами полумонашеского типа.

В палеологовский период продолжают функционировать меморий на главной улице и Юго-Восточный монастырь. На сакральном «театральном» участке, предположительно, формируется небольшой Южный монастырь. Вблизи от главных религиозных центров города появляются различные церковно-монастырские структуры, однако определить их правовой и экономический статус, как, впрочем, и самих монастырей, при современном состоянии источников не представляется возможным.

В городской монастырской топографии Херсона прослеживаются две тенденции: сакральные центры и городская окраина в непосредственной близости от оборонительных стен, последние при этом используются в качестве монастырской ограды. Судя по сохранившимся строительным остаткам, монастырские комплексы Херсона были небольшие по площади, малочисленные и, в отличие от монастырей других восточно-христианских центров, не

имели единой стандартной планировки. В соответствии с традицией местного градостроительства они вписывались в уже существовавшие жилые кварталы, практически сливаясь с ними. Вычленение монастырей и связанных с ними церковно-монастырских структур из городской жилой застройки как при открытии новых памятников, так и при переосмыслении старых, представляет собой одну из актуальных задач современной христианской археологии Херсона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левченко М.В. Церковные имущества V-VII вв. в Восточно-Римской империи // ВВ. 1948. Т. 2/27.
2. Чекалова А.А. Константинополь в VI в. СПб., 1997.
3. Рансимен С. Византийская теократия // Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998.
4. Шмеман А., прот. Исторический путь православия. М., 1993.
5. Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. СПб., 2000.
6. Mathews T.F. «Private» Liturgy in Byzantine Architecture: Toward a Reappraisal // CA. Paris, 1982. N 30.
7. Медведев И.П. Мистра. Л., 1973.
8. Поляковская М.А. Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии // ВВ. 1964. Т. XXIV.
9. Соколов И.И. Состояние монашества в византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842-1204). СПб., 2003.
10. Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974.
11. Вселенский VI Собор // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. IX.
12. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
13. Пелин А., прот. Топография христианского Херсонеса IV-XIV в. Дис. ... кандидата Богословия. Сергиев Посад, 2001 // Архив НЗХТ. Д. 3501.
14. Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.
15. Зубарь В.М., Буйских А.В. По поводу интерпретации памятников Маячного полуострова // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
16. Radt W. Paganom. Vorbericht über die Kampagne 1980 // AA. 1981. N 3.
17. Тулешков Н. Архитектура на Българските манастири. София, 1989.
18. Феодор Студит. Заповеди игумену // Голубинский Е. История русской церкви. Т. I. М., 1997.
19. Флоровский Г., прот. Византийские отцы V-VII вв. Минск, 2006.
20. Барабанов Н.Д. Из истории связей Константинополя и Афона в начале XIV в. // АДСВ. Свердловск, 1982.
21. Скабалланович М. Толковый типикон. М., 2003.
22. Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1997. Т. I.
23. Сазанов А.В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. М., 1999. Вып. 4.
24. Сазанов А.В. Погребения в христианских храмах Херсонеса XI-XIV вв. // Херсонес Таврический у истоков мировых религий. Материалы научной конференции. Севастополь, 2001.
25. Сюзюмов М.Я. О трактате Юлиана Аскалонита // Византийские этюды. Екатеринбург, 2002.
26. Антонова I.A., Рижов С.Г. Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. IV.
27. Завадская И.А. Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
28. Слово о перенесении мощей Климента Римского // Родник златоструйный. Памятник бол-

- гарской литературы IX-XVIII вв. М., 1990. Перевод И. Калиганова и Д. Польшанного с сокр. по списку IX-XVI в. Изд.: Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865.
29. Романчук А.И. Западный загородный храм // ВВ. 1991. Т. 51.
 30. Залесская В.Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) // ВВ. 1988. Т. 49.
 31. Беляев С.А. Христианская топография Херсонеса. Постановка вопроса, история изучения и современное положение // Церковные древности. VII Международные Рождественские образовательные чтения. Сборник докладов секции (28-29 января 1999 года). М., 1999.
 32. Гриневич К.Э. Раскопки Херсонеса Таврического в 1926 г. // ХСб. Севастополь, 1927. Вып. II.
 33. Антонова И.А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона // ХСб. Севастополь, 1997. Вып. VIII.
 34. Романчук А.И. Херсонес XII-XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986.
 35. Романчук А.И., Соломоник Э.И. Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. 1987. Т. 48.
 36. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет зав. раскопками в Херсонесе // ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
 37. Домбровский О.И., Паршина Е.А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. Симферополь, 1960. Вып. I.
 38. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе. Крестообразный храм. Крещальня. Крепостная ограда // ИАК. СПб., 1907. Вып. 21.
 39. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
 40. Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.
 41. Завадская И.А. Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
 42. Яшаева Т.Ю. Крестообразный храм с ковчегом // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Poznań, 2004.
 43. Яшаева Т.Ю. Крестообразный храм с ковчегом // International Scientific Conference «Christian architecture in the black sea basin IV-VII cent. AD». Poznań-Obzrycko 25-29 October 2004. Abstracts. Poznań, 2004.
 44. Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954-158 гг.) // СХМ. Симферополь, 1960. Вып. I.
 45. Золотарев М.И. Южный сектор участка. Отчет о раскопках в 1970 г. на участке античного театра в Херсонесе // Архив НЗХТ. Д. 1411/1.
 46. Домбровский О.И. // Архив НЗХТ. Д. 3246.
 47. Золотарев М.И. Раскопки в южном секторе. Отчет о раскопках на участке античного театра в 1971 г. // Архив НЗХТ. Д. 1505/1.
 48. Katalin H. Glasfunde aus dem 13. und 14. Jahrhundert im mittelalterlichen Dominikanerkloster von Buda. Acta Archaeologica. Budapest, 1971.
 49. Сидоренко В.А. // Архив НЗХТ. Д. 1647.
 50. Сидоренко В.А., Паршина Е.А. // Архив НЗХТ. Д. 1647.
 51. Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // АДСВ. Свердловск, 1981. Вып. 18.
 52. Гриневич К.Э. Херсонес Таврический. Севастополь, 1928.
 53. Беляев С.А. Пещерный храм на главной улице Херсонеса // Византия и Русь. М., 1989.
 54. Седикова Л.В. Пещерный храм на главной улице в III квартале Херсонеса // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Poznań, 2004.
 55. Письма паломницы IV в. // Подвижники благочестия, процветавшие на Синайской горе и в ее окрестностях. К источнику воды живой. М., 1994.

56. Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. Л., 1971.
57. Рыжов С.Г. Средневековая усадьба XIII в. в Северном районе Херсонеса (Постоялый двор) // Древности 1997-1998 гг. Харьков, 1999.
58. Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы X-XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
59. Рыжов С.Г., Голофаст Л.А. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
60. Яшаева Т.Ю. Амбула св. Мины и карта херсонских пилигримов // Sacrum et profanum. Культ святых мест в древних и современных религиях. Севастополь, 2005. Вып. I.
61. Косцюшко-Валюжинич К.К. Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1889 г. СПб., 1892.
62. Рыжов С.Г. Новые данные о «базилике в базилике» // Античный мир и Византия. Сборник научных трудов. Харьков, 1997.
63. Рыжов С.Г. Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности. Харьков, 2004.

Yashaeva T. Yu.

City Monasteries of Byzantine Cherson

Summary

The author distinguishes three flourishing periods in the history of Eastern-Christian monasticism: Justinian period, Post-iconoclasm and Palaeologus period. City monasteries of Cherson are examined in the article in accordance with these periods. The author develops the combination of characteristics, main and minor, that would enable to mark a monastery out of Cherson's urban buildings.

There are two tendencies in Cherson's city monastery topography: sacral centers and city outskirts are very close to the defensive walls and the walls are used as a monastery fence. Cherson's monastery complexes were quite small in size and number comparatively to other Eastern-Christian centers and did not have unified standard planning. According to the tradition of local urban building they were put down into already existed living quarters. One of the actual questions of modern Christian Cherson archaeology is picking out monasteries and monastery structures connected to them out of city building during the new sites discovery as well as while giving a new meaning to the old ones.